
Литературные места Кунцево и его окрестностей: вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.

Прохоров М. Ф.

В статье рассматривается формирование на рубеже XVIII — XIX вв. в окрестностях Кунцево одного из подмосковных центров досуга и творческого вдохновения писателей и поэтов. Особое внимание уделяется сохранившимся памятникам природы и архитектуры Кунцево, недостаточно вовлеченным в современные туристические маршруты.

Ключевые слова: *Кунцево, досуг, усадьба, пейзаж, поэты, писатели*

Development of located near Moscow leisure center for writers and poets' creative inspiring in the neighborhood of Kuntsevo at the turn of XVIII — XIX centuries is considered in the article. Particular attention is paid to significant nature and architecture sites of Kuntsevo that are insufficiently involved in contemporary tourist itineraries.

Keywords: *Kuntsevo, leisure, homestead, landscape, poets, writers*

Кунцево расположено в западной части современной Москвы и всегда привлекало многих писателей и поэтов своей сказочной природной красотой. Кунцевские места связаны с важнейшими событиями их жизни и творчества, являлись источниками вдохновения и таланта. Особый интерес представляет ранний период формирования в Кунцеве одного из очагов культуры и литературы Москвы и Подмосковья — вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. В это время

здесь складывается архитектурно-усадебный ансамбль знатного рода Нарышкиных, родственников царствующей династии. В состав комплекса входили двухэтажный господский дом, два каменных флигеля, оранжерея, верхний и нижний парки, фруктовый сад, церковь Знаменской Божьей матери.

В середине XVIII в. владельцем усадьбы становится любитель и знаток литературы, обер-шталмейстер, действительный камергер, генерал-аншеф и двоюродный племянник Петра I Л.А. Нарышкин (1733–1799). Службу начал в лейб-гвардии Преображенского полка, долгие годы находился в свите великого князя, а затем императора Петра III. Во время дворцового переворота в июне 1762 г. был арестован, но вскоре освобожден Екатериной II [1]. Он был настоящим ценителем русской словесности. По мнению царицы, Лев Александрович «мог произнести, о каком угодно искусстве или науке, при этом он употребляет надлежащие поэтические термины». Л.А. Нарышкин обладал и литературным даром, публикуя свои статьи и сатирические пародии в «Собеседнике любителей русского слова» [2]. Т. Динесман [3] и Н. Алмазов [4] полагают, что Нарышкин входил в число сотрудников журнала «Всякая всячина», издаваемого Екатериной II.

Постоянно проживая в Санкт-Петербурге, Лев Александрович изредка приезжал в Москву и посещал свою кунцевскую усадьбу. Здесь происходил прием многочисленных гостей, устраивались пиры и балы, сопровождаемые иллю-

Дом Нарышкиных в Кунцеве. 2008 г. [20]

минациями и пушечной стрельбой. Возможно, сюда приезжали члены литературного кружка при журнале «Всякая всячина». 7 июня 1763 г. находящаяся в Москве по случаю своей коронации Екатерина II посетила Кунцево. В ее честь Нарышкин устроил праздничный ужин и красочную иллюминацию.

Исследователи полагают, что усадьбу посетил Г.Р. Державин (1743–1816), который с восторгом отзывался о гостеприимстве хозяина:

Твой дом утехой расцветает,

И всяк под тень его идет.

Идут прохладой наслаждаться [5].

Все загородные приемы проходили в новом господском доме владельца — двухэтажном деревянном, на каменном фундаменте и с парапетом вокруг (сохранился в перестроенном виде). Особняк построен в 1740-е годы отцом Льва Александровича действительным статским советником, сенатором Александром Львовичем, двоюродным братом Петра I. Здание располагалось на высоком обрывистом берегу Москвы-реки. С западной стороны дома в каменном парапете был встроен портик с двумя мраморными статуями Юпитера и Юноны (не сохранились), а вниз к реке спускалась лестница. Перед домом была воздвигнута мраморная колонна с вензелем Екатерины II, подаренная в 1769 г. Л.А. Нарышкину.

На рубеже XVIII—XIX вв. красота кунцевского пейзажа начинает привлекать внимание москвичей, которые проводят здесь свой досуг. Именно к таким поклонникам кунцевской природы следует отнести писателя-сентималиста и историка Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Судя по письмам к другу и поэту И.И. Дмитриеву, Карамзин с ранней весны совершал длительные прогулки по московским окраинам. Во время этих пеших экскурсий его особенно тянуло в Кунцево. «В окрестностях Москвы, — писал он 20 мая 1800 г. Дмитриеву, — нет ничего ему подобного красотою».

В 1799 г. Карамзин поселился в большом господском доме Нарышкиных. В письме к тому же Дмитриеву он замечает: хозяин усадьбы «живет в Петербурге, а я рву ландыши в его лугах, отдыхаю под ветвями его древних дубов, пью чай на его балконе» [6].

*Портрет обер-штаб-мейстера
Льва Александровича Нарышкина.
Гравюра конца XVIII века.*

Владельцем кунцевского имения в то время был сын Л.А. Нарышкина действительный тайный советник, директор императорских театров Александр Львович (1760–1826). Наслаждаясь красотой природы, Николай Михайлович писал 22 мая 1800 г. брату Василию: «Живу я в шести верстах от города на высоком берегу Москвы-реки и вижу такие прекрасные места, каких не много в России. ... Желал бы я, любезнейший брат, чтобы вы... слетали ко мне в гости, на чашку кофе, и погуляли со мною в здешних липовых рощах. Деревенский чистый воздух есть для меня бальзам» [6. С. 321]. Этот же восторг передается и в его письме к Дмитриеву: «Пишу к тебе, сидя на высоком берегу Москвы-реки, под тенью густых лип, и вглядываясь на обширную равнину, которую вдали ограничивают рощи и пригорки» [6. С. 313].

Лето 1800 г. было важным этапом в творчестве и личной жизни Николая Михайловича. Можно предположить, что именно в Кунцево он задумал написать «Историю Государства Российского». В письме к Дмитриеву Карамзин пишет: «Я по уши влез в русскую историю, сплю и вижу Никона с Нестором» [3. С. 147]. Кунцевские места связывались у него с историей любви к своей первой жене — Елизавете Ивановне Протасовой. «Я жил, наслаждался и мучился в Кунцево», — писал он 3 декабря 1800 г. Дмитриеву. Эти противоречивые чувства нашли отражение в его стихотворении «Меланхолия», написанном в том же Кунцево [6. С. 316].

Живописный вид Кунцево до конца жизни не исчезает из памяти историка. В обзоре «Путешествие вокруг Москвы» (1803 г.) он пишет, что перед ним всегда предстает «несравненное Кунцево на высоком берегу Москвы-реки, где представляется взору самый величественный амфитеатр» [7]. По воспоминаниям друга и почитателя его таланта Блудова, Николай Михайлович в 1805 г. вновь проживал в Кунцево «уединенно в маленьком домике» вместе с поэтом В.А. Жуковским [5. С. 25]. В «Записке о московских достопримечательностях», подготовленной в 1817 г., Карамзин вновь указывает на «прекрасное видами Кунце-

во», но одновременно замечает: «Все запущено, дом гниет и валится» [8].

В начале XIX в. сказочный пейзаж Кунцево находит отражение в творчестве сейчас забытого поэта-лирика, автора знаменитого романа «Вечерний звон», друга А.С. Пушкина Ивана Ивановича Козлова (1771–1840). Он родился в Москве в семье статс-секретаря Екатерины II И.И. Козлова. Многие годы прожил в древней столице, служил в канцелярии московского главнокомандующего, достиг чина надворного советника. После 1812 г. поселился в Рыбинске, а затем в Санкт-Петербурге, получил 7 класс коллежского советника.

Поэт И.И. Козлов [20]

Козлов был женат на дочери бригадира С.А. Давыдовой, имел сына и дочь. В 1818 г. его постигло несчастье — паралич, а в 1821 г. — слепота. Но личная трагедия не сломила его духа. Начинается период активного литературного творчества. В его воображении предстают красочные картины когда-то ежегодных прогулок по московским окрестностям. В своих стихотворениях он с поразительной точностью передает красоту кунцевского пейзажа. Эти зарисовки

поэта узнаются и сейчас, спустя 200 лет. В поэме «Безумная» он пишет:

*Бывало, я в лесу уединенном,
где Кунцево на холме возвышенном
Задумчивой пленяет красотой,
брожу один вечернею зарей,
Москва-река там синими волнами,
в тени берез меж дикими кустами,
Шумя, блестит и, прихотей полна,
то скрылась, то вдруг опять видна,
Зеленый луг и роща за рекою [9].*

Кунцевские мотивы проявляются и в другом произведении Козлова «Жнецы»:

*Однажды вечерел прекрасный летний день,
дышала негой зеленых рощей тень,
Я там бродил один, где синими волнами
от кунцевских холмов, струясь под Филями,
Шумит Москва-река...
Уж солнце гаснуло, багровый блеск бросая,
на жниве кончилась работа полевая,
Радушные жницы идут уже домой...
С кладбища сельского летит вечерний звон.
[9. Ч. 2. С. 282]*

По этим строкам можно восстановить точный маршрут прогулок поэта: высокая береговая полоса Москвы-реки, на которой располагалась Кунцевская липовая роща, село Покровское-Филя, церковь Покрова в Филях, приходское кладбище и поля вблизи Поклонной горы. Упомянутый луг — это мневниковская долина (пойма) на левом берегу Москвы-реки, напротив Кунцевского парка. В Кунцево поэт встретил и свою первую любовь — кузину Анну Хомутову [2. С. 122]. Больной, парализованный и ослепший, Иван Иванович писал о своих кунцевских «скитаниях»:

*И много с той поры лет миновало...
То поле, те жницы — всегда в душе моей.
[9. Ч. 2. С. 284]*

Летом 1814 г. частым гостем в кунцевской усадьбе Нарышкиных был герой Отечественной войны 1812 г., поэт Д.В. Давыдов (1784—1839). В это время усадьбу арендовал директор императорских театров А.А. Майков. В барском доме в просторной зале был оборудован домашний театр со сценой, занавесом и креслами для зри-

телей. Здесь гостеприимный хозяин устраивал водевили и балетные представления. Среди выступавших своим талантом и красотой выделялись воспитанницы Московского театрального училища Саша Иванова и Тania Новикова. Дениса Васильевича очаровала Саша Иванова, которой поэт посвятил стихотворение:

*Мне ль нового искать
В любви очарования?
Я страстен лишь тобой!*

Вместе с Д. Давыдовым Кунцево посещал поэт и общественный деятель, один из авторов проекта конституции России — Уставной грамоты Российской империи кн. П.А. Вяземский [10].

В окрестностях Филей и Кунцево совершал прогулки поэт Иван Михайлович Долгоруков. Отдельные впечатления от этих путешествий он отражал в стихотворениях. В частности, в его поэтическом «Завещании» есть такие строки:

*И я, проснувшись на кладбище,
Что под Филями, за Москвой [11].*

Упомянутое приходское кладбище было одним из старых погостов, принадлежавшим церкви Покрова в Филях. Во время раскопок в XIX в. здесь были обнаружены надгробные плиты, датируемые 1631 г. Остатки кладбища сохранялись до середины XX в. В настоящее время об этом кладбище свидетельствует могильный памятник 1907 г. одному из богатых жителей Филей начала XX в. Н.Г. Гурьеву. Он представлял собой мраморную глыбу черного цвета с киотом для лампады и увенчанной крестом и бронзовой фигурой ангела. Могила находится в ограде из серого гранита с решеткой в стиле модерна и расположена с юго-восточной стороны церкви [12].

Во второй четверти XIX в. Кунцево начинает привлекать писателей-романтиков. В 1838 г. издается роман Г. Воскресенского «Проклятое место», действие которого происходит на Кунцевском городище. Эту местность жители прозвали «проклятым», а перекинутый через глубокий овраг мост — Чертовым. Старожилы уверяли, что стоящая здесь когда-то церковь якобы провалилась под землю. Загадочная та-

инственность и первобытная природная красота «проклятого места» и привлекли внимание Воскресенского. Писатель с фотографической точностью воспроизводит рельеф и растительность. Обращаясь к читателю, он так описывает первозданную природу: «Представьте себе большую, почти квадратную площадь на превысочайшей горе, на которую с трудом можно взобраться, обросшую со всех сторон густыми, но поблекшими куполами деревьев. Посреди этой уединенной долины разбитый когда-то грозой дуб. Около его торчат угловатые, поросшие мохом надгробные камни. Трава здесь желтая, как-будто обожженная молнией» [13]. По замыслу Воскресенского, на древнем Кунцевском городище разворачиваются остросюжетные события, связанные с легендами и преданиями. Роман имел большой успех у читателей: в кунцевский лес началось настоящее паломничество москвичей. Этими местами заинтересовались и специалисты, в частности, в середине XIX в. здесь побывали академик М.И. Броссе и историк И.Е. Забелин, оставившие интересные описания «проклятого места».

Заметное место Кунцево занимало в творчестве и жизни революционеров-демократов Александра Ивановича Герцена (1812–1870) и Николая Платоновича Огарева (1813–1877). Герцен в романе «Былое и думы» особо выделяет кунцевский период своего знакомства с Огаревым. Он вспоминает, что в конце 1820-х годов «часто мы ходили с Ником за город; у нас были любимые места — Воробьевы горы, поля за Дорогомиловской заставой» [14]. Юный Александр нередко посылал дружеские письма Николаю, который в то время жил в Кунцеве. Т.П. Пассек, которая долгие годы прожила в семье И.А. Яковлева (отца А.И. Герцена), сообщает, что летом (год не указан, по тексту, вероятно, 1828 г.) Яковлев с семьей посетил своего дальнего родственника П.Б. Огарева в Кунцеве. «Пока на его даче они беседовали, — пишет Т. Пассек, — мы осмотрели живописный парк с его столетними деревьями, глубокими оврагами и рекой» [15]. Именно в Кунцеве между Александром и Николаем зародилась переписка,

которая переросла в настоящую верную дружбу. Впоследствии Герцен всегда выделял Кунцево как одно из красочных и живописных мест Подмосковья [14. С. 73].

Для Герцена, Огарева и их друзей литературных переводчиков Н.Х. Кетчер и Е.Ф. Корш, историка Т.Н. Грановского Кунцево было любимым местом отдыха и прогулок по знаменитой липовой роще. Об одной из таких встреч вспоминает Александр Иванович: «Мы собирались съездить в Кунцево, которое любили с детства. Кетчер и Грановский хотели ехать с нами. Поездка состоялась. И все шло своим порядком.... Вечер был наш, весенний, но теплый: лист только что развернулся: мы сидели в саду, шутя и разговаривая». Эта встреча, к сожалению, завершилась ссорой между Кетчером и Герценом. Поводом к недоразумению послужило бестактное, по мнению Кетчер, напоминание Герценом их общему другу, актеру М.С. Щепкину, о его денежном долге. При встрече в Кунцеве Кетчер в резкой форме напомнил об этом Герцену. Вспоминая досадный эпизод, Герцен пишет: «Огарев вступился, Кетчер накинулся на него; нелепым обвинениям не было конца, Грановский попробовал его унять, не мог и уехал с Коршем прежде нас. Я был рассержен, унижен и отвечал очень жестоко. Кетчер посмотрел исподлобья и, не говоря ни слова, пошел пешком в Москву. Мы остались одни и в каком-то жалком раздражении поехали домой» [14. С. 529]. Некогда былое единство друзей распалось.

Кунцево было любимым местом отдыха и для Н.П. Огарева. В литературе приводятся различные даты первого его пребывания там. Одни исследователи указывают 1827 г., другие — 1828 г., а третьи — 1829 г. [2. С. 150–151; 5. С. 26]. Установить точную дату приезда юного Николая в Кунцево сложно: нет прямых свидетельств. Ни А.И. Герцен, ни Н.П. Огарев, ни их знакомая Т.П. Пассек эту дату не указывают. Но Николай Платонович отметил, что ему в это время было 15 лет. Учитывая дату рождения — 1813 г., это могло произойти, вероятно, в 1828 г. В это время его отец П.Б. Огарев

снимал небольшой флигель у действительного статского советника, члена Государственного совета К.А. Нарышкина (1781–1838). По мнению И. Мячина, семья Огаревых проживала в господском доме [16]. Но Н. Огарев вспоминал, что они жили в «небольшом флигеле в кунцевском саду». Возможно, это был один из двух каменных флигелей, построенных тогда и расположенных по обе стороны парадного подъезда барского дома [17].

В эмиграции в воспоминаниях «Моя исповедь» Николай Платонович писал об этом периоде: «Кунцево осталось у меня в памяти как блаженный сон. И как же хорошо было в то время оно со своим обветшалым домом и садом, скорее похожим на огромный лес, чем на сад. От дома широким просеком круто спускался берег Москвы-реки, с обеих сторон просеки шел лес, густой, зеленый, заросший кустами, между вековых деревьев ... За рекой зеленела и синелась бесконечная голубая равнина». Он запомнил все большие и малые тропы в Кунцевском лесу («По лесу у реки шла дорожка, с одной стороны до «проклятого места», с другой — выходила верхом берега до Гусарево»). Гусарево в XVII в. была небольшой деревней. В конце XVII — начале XVIII вв. ее жители были переселены ближе к старой Звенигородской дороге [17. С. 697–698].

Огарева восхищали студеные ключи по береговой линии Москвы-реки («Сколько студеных ключей было в темной зелени»), таинственный грот близ «проклятого места», в котором «постоянно сочился ключ, капал и звучал по капле, падая в воду» [17. С. 698]. Для Огарева Кунцево было тесно связано и с личной жизнью: здесь он встретил свою первую юношескую любовь. «Кунцево для меня, — писал Николай Платонович, — кроме своего, в самом деле, живописного берега, имеет личные воспоминания. Тут первая отроческая любовь. Мне до сих пор сладко смотреть на это прошедшее... Память о первом развертывании душевных сил — вот тут, что дорого» [17. С. 697–698]. В стихотворении «Лес» Огарев, не указывая кунцевских мест, так вспоминает это время:

*На горной крутизне я помню
шумный лес,
Веками вращенный в торжественности дикой.
И там был темный грот, между
корней дерев,
Поросший влажным мхом ...
Студеный падал ключ лепечущей струей.*

После возвращения из ссылки Н.П. Огарев в мае 1840 г. вновь посетил Кунцево. В письме к жене от 30 мая 1840 г. он с досадой и грустью сообщает, что из-за перестройки Нарышкиными Кунцевского парка вся местность потеряла романтический облик. «Но как же исказили мое бедное Кунцево. Аристократизм, боящийся ступить на траву, чтобы не мочить ног. Около самых живописных обвалов поделали песчаные площадки в самом варварском вкусе; гору обрыли для грота, под огромной горой наставили статуи, перегородочек, насадили цветочков.... Все ж это для меня лучшее место около Москвы» [18]. В это время владельцами Кунцево были сыновья умершего в 1838 г. К.А. Нарышкина — Сергей и Лев. В 1849 г. в результате раздела единственным наследником имения становится Лев Кириллович (1804–1855). Он проживал в Санкт-Петербурге, был чиновником МВД, предводителем дворянства столичного уезда. Вероятно, благоустройство имения происходило во время жизни его отца — Кирилла Александровича.

Н.П. Огарев со своими друзьями посещал Кунцево и в 1840-е годы. В одном из писем Т.Г. Грановскому в 1843 г. он вспоминал об их совместных поездках в Кунцево:

*Мне в жизни жаль святых мгновений...
И даже прошлых жаль страданий,
Знакомых мест, любимых мной,
И наших кунцевских скитаний [3. С. 150].*

С середины 40-х по 60-е годы XIX в. в кунцевской усадьбе проживал ученый-филолог, искусствовед, знаток древнерусского фольклора и литературы Федор Иванович Буслаев (1818–1897). Первоначально он обитал в каменном флигеле с правой стороны от большого господского дома. В 1849–1851 гг. Ф.И. Буслаев снимал крестьянскую избу в деревне Давыдко-

во, живописно расположенной на левом берегу реки Сетунь, в двух верстах от Кунцево. С 1851 по 1867 гг. Буслаев с семьей брал в аренду деревянный дом у местного приходского священника Знаменской церкви в Кунцеве. Вспоминая этот период, Федор Иванович писал: «Летнее время было для моих ученых работ самое бойкое. Уютный уголок той террасы с письменным столом, узенькая дорожка между высокими деревьями того садика и та уединенная беседка

под зыбким пологом листвы навсегда поселились в моей памяти, ... потому что именно здесь я обдумывал, соображал и написал большую часть моих монографий» [19]. В Кунцеве его посещали историки Т.Г. Грановский и И.Е. Забелин, переводчик Д.Л. Крюков, проживавшие в то время в Давыдове.

Итак, к середине XIX в. Кунцево становится популярным местом досуга и творческого вдохновения для многих писателей и поэтов.

Литература

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 102. № 1822. Ч. 1. Л. 61, 65; Ф. 286. Оп. 1. № 310. Л. 82 об.; Ф. 1272. Оп. 1. № 10; Васильчиков А.А. Род Нарышкиных//Русский архив. СПб., 1871. № 9. С. 1488–1502.
2. Димов В. Мое Кунцево. М., 2003. С. 102.
3. Динесман Т. Кунцево//Литературное Подмосковье. М., 1950. С. 146–147.
4. За большевистские темпы. 1947. 17 июля.
5. Цит. по: Романюк С.К. По землям московских сел и деревень. М., 1999. Ч. 2. С. 20.
6. Погодин М.П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1. С. 312–313.
7. Сочинения Н.М. Карамзина. Т. 9. М., 1820. С. 143.
8. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. № 496. Л. 10; Крылатские холмы. 1991. № 9; Наше наследие. 1991. № 21. С. 45.
9. Собрание стихотворений Ивана Козлова. СПб., 1840. Ч. 1. С. 114.
10. Пухов В. Денис Давыдов. М., 1884; Серебряков Г. Денис Давыдов. М., 1885; Задонский М. Денис Давыдов. Тюмень, 1994.
11. Цит. по: Долгорукий В. Путеводитель по Москве. М., 1872. С. 77–79.
12. Михайлов Б. Храм на Филях. М., 2002. С. 174–175.
13. Воскресенский Г. Проклятое место. М., 1838. Т. 1. С. 16–17.
14. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1969. С. 79.
15. Пасек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1. М., 1963. С. 267.
16. Мячин И. По Москве-реке. М., 1977. С. 71–72.
17. Огарев Н.П. Моя исповедь//Литературное наследство. Т. 61. М., 1953. С. 698.
18. Цит. по: Гершензон М. Образ прошлого. М., 1912. С. 378–379.
19. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1891. С. 297–298.
20. Иллюстрации: И.И. Козлов: Собрание стихотворений Ивана Козлова. СПб., 1940. Ч. 1. Вклейка; Л.А. Нарышкин: Димов В. Мое Кунцево. М., 2003. С. 167.